

Тамбиянц Юлиан Григорьевич

доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

Шалин Виктор Викторович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ И КЛАССОВЫЙ
МИФЫ В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
АСПЕКТ ПРОТИВОБОРСТВА
(НА ПРИМЕРЕ СОЗНАНИЯ
ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ)**

Аннотация:

В статье рассматривается взаимодействие национального и классового мифов в общественном сознании с точки зрения узловой точки, во многом определяющей интеграцию на макросоциальном национальном уровне. Уточняются понятия классового и национального мифов, определяется степень их оппозиционности, для чего привлекаются исторические факты. Приводятся данные эмпирического исследования сознания футбольных болельщиков, а именно того аспекта, который касается отношения к российской футбольной сборной. Обосновывается вывод, что национальные пристрастия российских футбольных болельщиков в значительной степени ослабляются под воздействием усиления классовых тенденций. Подобная тенденция не рассматривается в масштабах серьезной угрозы общественно-национальной консолидации, но тем не менее сокращает сферу национально-политического ритуала, что в перспективе работает не на пользу центристскими процессам.

Ключевые слова:

классовый миф, национальный миф, государственно-национальная консолидация, глобализация, массовое сознание, национальная футбольная сборная, сознание российских болельщиков.

Tambiyants Yulian Grigorievich

D.Phil., Professor,
Social and Cultural Sciences Department,
Kuban State Agrarian University

Shalin Viktor Viktorovich

D.Phil., Professor,
Head of the Social
and Cultural Sciences Department,
Kuban State Agrarian University

**NATIONAL AND CLASS MYTHS
IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY:
AN ASPECT OF CONFRONTATION
(BY A CASE STUDY OF
THE CONSCIOUSNESS OF
FOOTBALL SUPPORTERS)**

Summary:

The study describes the relationships between the national and class myths in the public consciousness from the standpoint of the key point that largely determines the integration at the macrosocial national level. The notions of class and national myths are clarified; the level of their opposition is revealed; this information is confirmed by the historical facts. The authors conduct an empirical research of the consciousness of football supporters, especially the attitude of Russian fans to the national football team. It is substantiated that national preferences of Russian football supporters are slightly dampened by the increasing class intentions. This trend is not regarded as a serious threat to the social and national consolidation. Nevertheless, it reduces the scope of national political ritual that does not benefit the center-oriented processes.

Keywords:

class myth, national myth, public national consolidation, globalization, collective consciousness, national football team, consciousness of Russian supporters.

В своем недавнем послании президент В. Путин поставил ряд конкретных задач, масштабы которых можно определить как «национальный прорыв». При этом подчеркивается, что «сплоченность – самая прочная основа для дальнейшего развития. В предстоящие годы нам надо еще больше укрепить свое единство, чтобы мы работали как одна команда... готовая отдавать свои силы, знания, опыт, талант для достижения общих целей» [1]. Несомненно, что национально-общественное единство является важнейшим условием для выработки адекватных ответов на вызовы глобального мира. Глобализация, сама по себе расшатывающая суверенитет национальных государств, представляет собой существенную угрозу общественной консолидации, явно или неявно поощряя центробежные тенденции. Как показывают исследования даже экономически и социально-политически «продвинутых» европейских обществ, там с этим далеко не все благополучно. Еще на рубеже XX–XXI столетий половина жителей европейских стран в анкетных опросах отрицала свое участие в вооруженной защите государства в случае внешнего нападе-

ния. Если же судить по событиям последнего пятилетия, то уместно предположить, что социальные процессы (идеология политкорректности, политика мультикультурализма, усиливающееся расслоение среднего класса) в Европе объективно способствуют скорее деконсолидации, а не укреплению единства.

Что касается ситуации в России, то здесь также имеется немало проблемных моментов. Существует точка зрения весьма влиятельных исследователей о том, что развал СССР есть следствие проигрыша холодной войны, которая велась главным образом на идеологическом фронте. Именно духовный базис советского общества был основательно расшатан, а затем и разрушен западной пропагандой при содействии внутренней «пятой колонны» (С. Кара-Мурза). В статье мы намерены раскрыть вопрос состояния духовной сферы российского общества на предмет обеспечения национального единства, которое является приоритетной проблемой для политических лидеров России. Закономерно в этом плане постараться увидеть некие уязвимые точки, воздействию на которые может создать серьезную угрозу этому самому единству.

Как представляется, некий узел противоречий несет в себе взаимодействие в рамках социального сознания россиян национальной и классовой мифологии. Сущность понятия «миф» трактуется довольно многообразно [2], а потому нуждается в уточнении. По мнению К. Хьюбнера, существуют две основные структуры действительности – научная и мифическая. Каждая из них содержательно коренным образом отличается от другой, поскольку здесь имеют место разные формы созерцания. Социальная реальность дается нам «лишь настолько, насколько это позволяют подобные структуры. Они служат для того, чтобы упорядочивать и перерабатывать ее феномены» [3, с. 355]. Вполне естественно, что научный подход опирается на рациональные способы и категории, логически связанные между собой, тогда как в случае мифической действительности в ход идут как рациональные, так и иррациональные категории.

Мы намерены интерпретировать категорию мифа на стыке социально-психологического и социологических подходов. Миф представляет собой отражение социального бытия, рождаемого общественными потребностями и в качестве обратной связи определяющего социальную деятельность, но в то же время миф есть продукт волевого начала, основой которого выступает определенный архетип или комплекс архетипов [4, с. 18–19]. Несколько упрощая, можно сказать, что миф представляет собой своего рода окултуренный архетип, который проходит обработку конкретной традицией, актуализируясь в зависимости от ситуации. А. Кольев не без оснований считает, что именно миф лежит в основе идеологических построений, без него последние превращаются в голое теоретизирование, мало кого стимулирующее на политические действия [5, с. 218].

По нашему мнению, анализ национального и классового мифов во многом определяет процессы политической интеграции и дезинтеграции, столь важные в современную эпоху глобализации, социокультурного плюрализма.

Так, *классовый миф* рассматривается во многих обществоведческих трудах, причем не только сторонниками марксизма. В работах П. Бергера, И. Шафаревича, Г. Ле Бона предметом основательного анализа служит социалистический миф, который составляет только одну из двух разновидностей классового мифа. Вторая разновидность может быть названа либеральной и, как правило, находится в жестком противоречии с социалистической. В качестве одной из важных предпосылок здесь служит постоянное противоречие между коллективизмом и индивидуализмом. Последний делает упор на свободу, представляющую собой постоянную борьбу, в которой могут быть реализованы те или иные индивидуальные преимущества. Однако подобная личная автономия по плечу только очень немногим, уверенным в своей силе индивидам. Большинство же относятся к категории слабых, которые предпочитают жертвовать свободой, получая при этом поддержку коллектива.

Однако подобное видение, разумеется, несколько абстрагировано. Социально-историческая практика показывает, что противостояние либерального и социалистического мировоззрений вовсе не означает борьбу ярких индивидуальностей против сбившихся в группы неуверенных в себе неудачников, как это представлено в романах А. Рэнд. На деле в условиях процессов социальной кристаллизации образуются более или менее устойчивые группы, занимающие разное положение в общественной иерархии и, соответственно, имеющие во многом противостоящие друг другу цели и интересы. Картину этого противостояния в свое время описали К. Маркс и его последователи в концептах общественных антагонизмов, классовой борьбы, классового сознания. Развивая подход марксизма о социальной обусловленности сознания, К. Маннгейм отмечал, что индивиды обычно не столько сами формулируют собственное социальное сознание, сколько ориентируются на уже готовые модели мышления и поведения. При этом речь идет о некоем отборе «элементов действительности», которые наиболее подходят для социального видения конкретной группы [6, с. 17].

Вполне естественно, что упомянутые модели являются жестко детерминированными социально и существенно различаются. В теориях современных исследователей классового сознания

выводятся его уровни, которые представляют собой нечто вроде стадий. Первоначально возникает классовая идентичность, характеризующая восприятие и осознание конкретного классового статуса. Далее следует уровень классовой оппозиции, предполагающий уже более или менее четкое определение классовых оппонентов через противоположность групповых интересов. Затем приходит уровень классовой тотальности, при котором происходит осознание как собственного класса, так и оппозиционного в ракурсе всей общественной системы. Наконец, четвертый уровень – социальная альтернатива – характеризуется формированием идеи, проекта желаемого социального порядка [7, с. 60].

Из подобного подхода следует неизбежность внутренних антагонизмов и группового противостояния в рамках общественной системы. Тем не менее объективизация классового сознания, жесткая привязка к приземленным социальным интересам не исчерпывает всех его источников. Архетипическая природа классового сознания несомненна и как минимум столетие назад стала изучаться в работах Г. Ле Бона, Ж. Сореля и др. Правда, названные авторы занимались в основном глубинными психологическими предпосылками социалистического сознания, или, другими словами, классовым сознанием аутсайдеров. Здесь ими отмечаются чаяния равенства, справедливости и т. п.

С точки зрения Ж. Сореля, идея всеобщей пролетарской забастовки составляет суть социалистического мифа. Именно здесь «заключается весь социализм; совокупность образов, способных вызвать именно те чувства, которые соответствуют различным проявлениям борьбы против современного общества... Идея всеобщей стачки настолько могущественна, что заражает революционным духом всех, кого только коснется. Благодаря ей социализм остается вечно юным... распадение общества на два враждебных лагеря выступает особенно ярко» [8, с. 58, 62].

Интересная позиция излагается в работах В. Парето, который весьма проницательно отмечал совершенно разные формы проявления социалистических чувств в различных иерархических группах. По мнению мыслителя, здесь имеются два больших потока. «Один поток идет от низших слоев общества. Питающие его источники – это страдания людей из низов, это их желание покончить со своими бедами, овладев теми благами, которыми пользуются люди из высших слоев, порой это также и зависть, жажда иметь то, что есть у других. <...> Другой поток идет от высших слоев. Его источники многочисленны. Инстинкт социальности, существующий во всех социальных классах, вызывает у большинства людей появление чувств благожелательности к себе подобным» [9, с. 287–288].

С нашей точки зрения, универсальной характеристикой классового мифа выступает стремление к социальной справедливости. Причем последняя понимается с позиции видения общественного порядка определенной социальной группой. Для предпринимательских групп это либеральный порядок, предполагающий политико-правовое равенство и правила игры, основанные на экономических критериях. Потомственно аристократические группы в свое время поддерживали сословный порядок. Наконец, рабочие группы, прежде всего в результате воздействия марксистского идеологического учения, выражали стремление к бесклассовому обществу равенства. Однако в условиях современной действительности родовая аристократия фактически утратила свои приоритеты, уступив место капиталистической аристократии. Борьба на макросоциальном уровне происходит между индустриальными классами, и групповое мировоззрение лидеров обычно характеризуется как либеральное, тогда как видение аутсайдеров – как социалистическое. Но, по сути, как уже отмечалось, оба эти мировоззрения являются классовыми и по большей части оппонирующими друг другу. Пожалуй, здесь кроется узел противоречий, способных в определенной ситуации способствовать общественному расколу, как это происходит во время революций, гражданских войн, вызванных преимущественно социально-экономическими причинами.

Заслуга теоретической разработки *национального мифа* принадлежит мыслителям, принимающим в расчет национально-культурный фактор. Последний в эпоху расцвета философии Просвещения ставился под сомнение под влиянием парадигмы универсализма. Тем не менее попытки тотальной рационализации нередко приводили к тому, что иррациональное не только «лезло изо всех щелей», но попросту взрывало социальную действительность, по ходу используя достижения прогресса, чему свидетельствуют две мировые войны. Представители немецкого романтизма (А. Мюллер, Новалис, В. Гумбольдт и др.) стремились на почве национальных традиционных различий, где мифологическое играло решающую роль, подчеркнуть релятивизм моделей общественного развития.

Еще Н. Бердяев констатировал национальное как бытийственную категорию, без которой «невозможно существование человечества, она заложена в самих глубинах жизни» [10, с. 350]. При этом имеет значение только естественный национализм, без всякой внешней принудительной регламентации, считал названный мыслитель, явно делая реверанс в сторону примордиалистского подхода.

Российский исследователь А. Кольев, во многом развивающий и опирающийся на работы В. Полосина, трактует национальную мифологию как своего рода отображение нравственного идеала нации. Им предлагается следующая структура национальной мифологии:

- 1) архетип Великой Родины-Матери, символизирующий происхождение и предназначение народа как макросемьи;
- 2) история, абсолютизированная как стержневой сюжет мироздания, и пространство, абсолютизированное как географический центр Вселенной;
- 3) система символов, которые с помощью архетипического ключа-эталона (образ Родины-Матери) раскодируют мифологизированный коллективный опыт («должное») и соотносят с ним «желаемое»;
- 4) архетип сверхчеловека – Прародителя (родоначальника национальной элиты, покровителя), воплощаемый в образе Героя – сверхчеловека, опирающегося на национальную элиту и народные архетипы [11, с. 159].

Согласно уже упомянутому К. Хюбнеру, «национальное чувство» современного человека имеет те же психологические корни, что и мифическое понимание принадлежности к роду или племени [12, с. 328]. Дополняя эту мысль А. Кольев пишет, что формирование национальной мифологии происходит при активном участии элиты и народа. Так, народ выступает источником коллективного бессознательного, запечатленного в символах опыта предков, тогда как элита обеспечивает «концептуальное видение всей мифологической конструкции и игру образов – политическую рекламу и национальный ритуал» [13, с. 159–160]. Примирение народной традиции и религиозной догматики обеспечивает органическое единство элиты и народа, а соответственно, национальное единство [14, с. 163].

Нам представляется, что между сторонниками национального и классового мифов происходит ожесточенная борьба, часто отражающаяся в политической реальности противостоянием консерваторов и социалистов. При этом имеет место обоюдная как недооценка, так и переоценка. Например, К. Хюбнер в своей критике К. Маркса явно натянуто заявляет, что рабочий «хотел видеть улучшенным лишь свое положение, а никак не желал уничтожения данной экономической системы как нечто такого, что якобы отчуждает его от своей самости» [15, с. 196]. Близкая позиция в целом присуща российскому исследователю А. Кольеву. В свою очередь другая сторона часто склонна настаивать на том, что национальные различия легко преодолеваются посредством классовых интересов или, иначе говоря, чаяниями социально обездоленных. В связи с этим уместно вспомнить известный марксистский лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь», который в несколько более смягченной форме склонны поддерживать и современные «левые» авторы А. Бузгалин, А. Колганов, Б. Кагарлицкий и т. д.

Если обратиться к объективной аргументации через исторические факты, то можно найти подтверждение обеим позициям. Например, наличие интернациональных бригад в Испанской гражданской войне 1936–1939 гг. свидетельствует о силе классового мифа. А крах Второго интернационала произошел прежде всего из-за несогласия поддерживать утверждающий антинациональную позицию лозунг поражения собственных правительств, тем самым обозначив превосходство именно национального мифа в этом случае. В то же время нередки случаи согласования и даже слияния классового и национального мифов, как это происходило в годы Великой Отечественной войны.

Мы все же склонны полагать, что противостояние классового и национального мифов имеет неоднозначный результат, обусловленный теми или иными конкретными обстоятельствами. Возьмем Югославию. Как объединенное королевство это государство появилось в результате Первой мировой войны и Версальской системы. Однако его раздирали грандиозные внутренние противоречия именно на национальной почве, что выступало главным фактором расстановки политических сил. В самом начале Второй мировой войны произошел, казалось бы, необратимый распад единого королевства на ряд национально-государственных субъектов с собственными политическими и культурными ориентирами. Однако по окончании войны единая политическая система оказалась вновь возможна, в первую очередь благодаря силе коммунистической партии, базирующейся на интернационализме и сумевшей одержать верх над национальными движениями усташей (хорваты) и четников (сербы). Социалистическая республика Югославия существовала около полувека и, можно полагать, могла бы развиваться дальше как политическая целостность, если бы не крах социалистической системы. Здесь вновь сказал свое слово национальный признак, который проявил себя в специфических обстоятельствах. Примечательно, что сербы, словенцы, хорваты, боснийцы, македонцы имели больше этнокультурных сходств, чем различий. Тем не менее распад оказался неизбежным, и, надо думать, национальная идентичность оказалась замешана на конфессиональном признаке, а также осознании разной исторической судьбы. Как представляется, именно последнее обстоятельство предопределяет жесткое взаимное неприятие хорватов и сербов, имеющих не только общие этнические корни, но и единый язык.

Однако справедливости ради следует отметить, что национальный и классовый мифы не всегда находятся в состоянии противоборства. Между ними вполне могут существовать и союзные отношения, что зачастую касается сферы внешней политики. Это имело место в сталинском СССР. В годы Великой Отечественной войны антисоветские всплески национального сознания имели фрагментарный характер (Украинская повстанческая армия С. Бендеры, «Кавказские братья» Х. Исраилова). В целом же этнонациональное сознание оказалось вполне вписано в советскую идентичность. Другой пример: политика продвижения национальных интересов по захвату колоний европейскими индустриализирующимися державами вполне соответствовала интересам как капиталистов, так и рабочих.

Следует заметить, что противодействие национального и классового сознания в той или иной степени имеет место едва ли не постоянно, как и наличие центростремительных и центробежных тенденций в общественной системе. Разумеется, для последней логично стимулировать первые и по возможности препятствовать вторым. Как справедливо отмечает российский философ и религиовед В. Полосин, в условиях обыденной жизни, без непосредственных внешних угроз, центростремительные тенденции национального сознания искусственно возбуждаются посредством символического проигрывания ситуаций борьбы с «образом врага». «Ритуальным способом такой борьбы является в мирное время спорт, особенно на международном уровне» [16, с. 229]. Распространенным примером национально-политического ритуала является игра национальной сборной команды в футбол, наверное, самую популярную игру в массах. «Победа или поражение является... победой или поражением каждого из зрителей. Национальная команда временно персонифицирует собой всю нацию, при этом индивид как бы полностью растворяется в ней. А развевающиеся флаги символизируют некую идеальность, которая придает им как бы ореол святости» [17, с. 418], – пишет К. Хюбнер.

Применительно к России пониманию проблематики форм противоборства национального и классового мифов поможет анализ тенденций сознания футбольных болельщиков. Для нас представляют интерес объекты пристрастий последних, а точнее – статус национальной сборной в рамках этих пристрастий. Дело в том, что большой футбол, безусловно, один из самых высокооплачиваемых видов спорта, что объясняется рядом причин как экономического (законы рынка), так и политэкономического (опека команд мастеров госкорпорациями) плана. Раскрытие и анализ данных причин не входят в задачи настоящей статьи. Нас интересует прежде всего ценностное восприятие футбольной сборной России поклонниками этой игры, так как в некотором роде через это можно не то чтобы провести жесткую параллель с состоянием национального сознания, но обозначить определенные благоприятствующие или, наоборот, тревожные тенденции, которые могут иметь больше стратегическое, чем тактическое значение. Именно на этой почве можно увидеть и проанализировать настоящее столкновение национального и классового сознания.

В некотором роде удачным временем для проведения опроса стали последние месяцы перед чемпионатом мира по футболу, который в России проводится впервые. Значимость футбольного чемпионата переоценить трудно, и многие публицисты и аналитики не без оснований считают это событие одним из важнейших в современном спорте, приравнивая его по статусу к Олимпийским играм. В рамках обозначенной проблематики был проведен анкетный опрос. Выборка целевая и касалась только индивидов, интересующихся футболом и более или менее разбирающихся в нем. Было опрошено 312 респондентов.

Формируя структуру анкеты, мы стремились несколько расширить проблемный спектр, включая вопросы, касающиеся отношения как к сборной, так и к российским клубам, составы которых (особенно клубов премьер-лиги) сильно «разбавлены» иностранными игроками. Высокий процент иностранных игроков объясняется не только открытостью российского футбола мировым тенденциям, но и в целом усиливающимися глобализационными процессами, в рамках которых владельцы капиталовложений в спорт в погоне за прибылями стимулируют большую текучесть игроков из одного топ-клуба в другой. В этом плане любопытно было определить, как относится к этому обстоятельству российский болельщик.

Данные таблицы 1 показывают весьма неоднозначную картину. Около 45 % вполне допускают засилье иностранных игроков в российских футбольных клубах, причем более 6 % считают это желательным явлением. Самая большая группа (чуть более 40 %) разделяет позицию, которая допускает очень ограниченное число зарубежных футболистов, считая, что состав российских клубов в доминанте национален. Интересно, что именно такое положение дел имело место во второй половине XX столетия, когда даже топ-клубы неизменно имели национальную основу, безусловно количественно преобладающую. Однако со временем ситуация принципиально поменялась, ряд ведущих мировых команд имеют национальную привязку отнюдь не с точки зрения состава, тренерского штаба и даже владельца (пример: «Челси», «Манчестер Сити»). Тем не менее похоже, что это обстоятельство не сокращает число их болельщиков, сознание которых в названной проблематике становится более глобализированным.

Таблица 1 – Отношение к иностранным игрокам в российских клубах

Вариант ответа	% респондентов
Ничего в этом особенного, это сейчас типично	39
Не более 2–3 иностранцев, остальные – россияне	40,5
Иностранцы в российских клубах не нужны	12
Иностранцы играют лучше и повышают уровень футбола	6,4

Однако пристрастия российских любителей футбола к отечественным клубам нельзя назвать особенно значительными. Вопрос: «Какая клубная команда вызывает у Вас симпатии?» при вариантах ответа в первую, во вторую, в третью очередь выявил следующую картину. Назвали своим главным объектом переживания именно российскую команду 38 % опрошенных, во вторую очередь готовы болеть за тот или иной отечественный клуб 32 %, и, наконец, в третью очередь таковых насчитывается 37 %. В целом значительно чаще в ответах на данный вопрос упоминались названия зарубежных топ-клубов – «Реал», «Барселона», «Манчестер Сити», «Бавария» и т. д.

Тем не менее подобная не очень высокая степень переживания за российские клубы не идет в сравнение с удручающей картиной отношения к национальной сборной. Здесь в первую очередь за нее болеют менее пятой части респондентов (19 %), во вторую – 8 % и в третью – 12 %. Получается, что в общем и целом большая часть опрошенных вовсе не переживает за сборную России. Это несомненно тревожный звонок, поскольку здесь снижается значение одного из символов национального единства, имеющего пусть и не ключевое, но все же существенное значение, которым нежелательно пренебрегать в ситуации вызовов глобализации.

Закономерно выяснить причины столь прохладного отношения российских любителей футбола к национальной команде. Результаты опроса позволяют обозначить их более или менее определенно (таблица 2).

Таблица 2 – Образ российской футбольной сборной в социальном сознании

Вариант ответа	% респондентов
Национальная сборная защищает честь России	28
Сборная связана со сферой «больших денег», честь страны для нее не на первом плане	55,5
Сборная представляет собой сборище миллионеров, собравшихся попинать мяч	15

Данные таблицы 2 весьма красноречивы. Лишь 28 % считают, что национальная сборная в первую очередь радуется о чести страны. Больше половины опрошенных (55,5 %) склоняются к мысли, что национальная футбольная сборная связана со сферой «больших денег» и честь страны для нее не на первом месте. Еще более жесткую позицию заняли остальные 15 %, которые поддержали высказывание «Национальная футбольная сборная представляет собой сборище миллионеров, собравшихся попинать мяч».

Логически продолжал тему причин столь широко распространенного непереживания за футбольную сборную России вопрос: «Считаете ли Вы завышенными заработки российских футболистов?» Утвердительное мнение по данному поводу высказали 92 % опрошенных, причем 61 % выбрали ответ «да, несомненно», тогда как 31 % отметили высказывание «пожалуй, что да». Чуть более 2 % респондентов считает заработки российских футболистов вполне заслуженными, почти 5 % ответили, что им все равно. Таким образом, российские болельщики в своем большинстве полагают, что российские игроки в футбол зарабатывают намного больше того, что они реально заслужили, и видят в этом явное проявление социальной несправедливости. Пожалуй, здесь и кроется основной источник равнодушия, а порой и очевидной неприязни не только к футбольной национальной сборной, но и к российским клубам высшего дивизиона, имеющим широкие возможности привлечения «легионеров», в том числе топ-уровня.

В то же время насколько высокие заработки футболистов сказываются на их игре и на результате? Этот момент характеризовался в ответах на вопрос, может ли национальная сборная показывать более высокий результат. Здесь также были получены весьма красноречивые данные. Только 5 % респондентов полагают, что сборная России демонстрирует предел своих возможностей. 77 % опрошенных считают, что если привлечь игроков, не избалованных большими заработками, то это положительно скажется на игре национальной команды. Около 12 % полагают, что для этого следует подобрать более подходящего тренера, тогда как примерно 5–6 % высказывали другие точки зрения, среди которых наиболее распространенным являлось мнение о большем привлечении в состав национальной команды молодых перспективных игроков.

Интересно было установить картину из субъективных мнений респондентов о степени распространенности феномена «неболения» за футбольную сборную России. По данным таблицы 3 видно, что это сейчас весьма распространенное явление, мало кого удивляющее в российском

футбольном мире. По сути дела склонны с этим не соглашаться не более 14 % опрошенных, в то время как почти половина (48 %) заявила о том, что встречает неболеющих за сборную России любителей футбола довольно часто.

Таблица 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Приходилось ли Вам лично встречать болельщиков, не переживающих за сборную России по футболу?»

Вариант ответа	% респондентов
Да, довольно часто	48
Время от времени приходилось	38
Приходилось крайне редко	9
Никогда не приходилось	5

Наконец, интересно было выяснить, каким образом феномен эмоционального переживания за российскую футбольную сборную соотносится с национальным гражданским сознанием. С этой целью было предложено сделать выбор из двух позиций, одна из которых тесно связывала эти явления, тогда как другая – разводила их. Первую из них, определяющую, что болеть за национальную футбольную сборную есть долг каждого россиянина, поддержало чуть более четверти респондентов, а именно 26,5 %. Вторая позиция – «Переживать за ту или иную национальную сборную – личное дело каждого» – пользуется поддержкой около двух третей опрошенных – 67 %, в то время как 6,5 % затруднились с определением собственного мнения. Тем самым большая часть футбольных болельщиков склонна выносить «за скобки» гражданского национального долга выбор объекта предпочтения в плане переживания за результат, вполне допускающая в этом случае сборную иной страны.

Подводя итоги, имеет смысл предложить следующие заключения.

1. Национальный и классовый мифы являются неотъемлемыми явлениями общественной жизни, выступают мощными детерминантами политических процессов, присутствуя в качестве основы идеологических построений. Типы отношений между этими двумя видами мифов могут быть различными – от вполне союзнических до жесткого противостояния. В эпоху глобализации скорее усиливается их противостояние, поскольку глобализм основан на неолиберальном проекте, логика которого предполагает усиление социально-экономического расслоения, а следовательно, актуализацию классового мифа. В то же время глобальный универсализм бросает очевидный вызов национальным чувствам, поскольку оппозиционным традиционным культурным особенностям.

2. Результаты эмпирического исследования заставляют предполагать, что национальные потенции сознания футбольных болельщиков ослабляются главным образом под воздействием усиления классовых интенций. Игроки футбольной сборной воспринимаются как получающие незаслуженно высокие заработки, совершенно не соответствующие их функциональному значению. Эта тенденция не расценивается как «размывающая» национальное сознание и, соответственно, не ставит под вопрос общественно-национальную консолидацию. Однако вынесение футбольной сборной России за рамки национально-политического ритуала (чего, как можно полагать, не происходит в большинстве стран) существенно сокращает сферу последнего, что играет не на пользу центростремительным процессам.

Ссылки:

1. Послание президента к Федеральному собранию. Текстовая онлайн-трансляция [Электронный ресурс] // 360°. 2018. 1 марта. URL: <https://360tv.ru/news/vlast/poslanie-prezidenta-k-federalnomu-sobraniju-tekstovaja-onlajn-transljatsija/> (дата обращения: 06.07.2018).
2. Полосин В. Миф. Религия. Государство. М., 1999. 440 с.
3. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001. 400 с.
4. Полосин В. Указ. соч. С. 18–19.
5. Кольев А.Н. Политическая мифология. Реализация социального опыта. М., 2003. 384 с.
6. Маннгейм К. Идеология и утопия // Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 7–276.
7. Симончук Е. Классовое сознание: опыт сравнительного эмпирического изучения // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 4. С. 65–84.
8. Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 2011. 160 с.
9. Парето В. Социалистические системы // Теоретическая социология : антология : в 2 ч. / под ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1. С. 249–313.
10. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 2000. С. 267–479.
11. Кольев А.Н. Указ. соч. С. 159.
12. Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. 446 с.
13. Кольев А.Н. Указ. соч. С. 159–160.
14. Там же. С. 163.
15. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. С. 196.
16. Полосин В. Указ. соч. С. 229.
17. Хюбнер К. Истина мифа. С. 418.

References:

- Berdyayev, NA 2000, *The fate of Russia. Experiences in the psychology of war and nationality*, Moscow, pp. 267-479, (in Russian).
- Hübner, K 1996, *The truth of myth*, Moscow, 446 p., (in Russian).
- Hübner, K 2001, *The nation: from oblivion to rebirth*, Moscow, 400 p., (in Russian).
- Koliev, AN 2003, *Political mythology. Implementation of social practices*, Moscow, 384 p., (in Russian).
- Mannheim, K (ed.) 1994, 'Ideology and utopia', *Diagnoz nashego vremeni*, Moscow, pp. 7-276, (in Russian).
- Pareto, V & Bankov, SP (ed.) 2002, 'Socialist systems', *Teoreticheskaya sotsiologiya: antologiya*, in 2 parts, part 1, pp. 249-313, (in Russian).
- Polosin, V 1999, *Myth. Religion. State*, Moscow, 440 p., (in Russian).
- 'Presidential Address to the Federal Assembly. Text-based online translation' 2018, 360 °, March 01, viewed 06 July 2018, <<https://360tv.ru/news/vlast/poslanie-prezidenta-k-federalnomu-sobraniju-tekstovaja-onlajn-transljatsija/>>, (in Russian).
- Simonchuk, E 2010, 'Class consciousness: the comparative empirical study', *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, no. 4, pp. 65-84, (in Russian).
- Sorel, G 2011, *Reflections on violence*, Moscow, 160 p., (in Russian).